

Дювернуа Жан Н. К. Рерих. Страницы биографии

ОТ РЕДАКЦИИ

Сегодня имя выдающегося русского художника, литератора, археолога, философа, путешественника и общественного деятеля Николая Константиновича Рериха широко известно всему миру. Его жизни и творчеству уже посвящено множество книг, проводятся конференции, издаются сборники статей и научных исследований.

Однако феномен Рериха являет собой столь сложный и многообразный синтез искусства, науки и духовного подвижничества, что публикации, отражающие его творческий путь по-настоящему глубоко, объемно и красиво, и ныне можно пересчитать по пальцам одной руки.

Как раз к таким произведениям и относится публикуемое нами биографическое эссе. Недаром Елена Ивановна Рерих настоятельно советовала всем интересующимся жизнеописанием художника начинать именно с книги Жана Дювернуа.

И хотя автор был хронологически ограничен 1932 годом и не имел возможности сделать полный биографический обзор, ему все же удалось емко, проникновенно и красочно изобразить все основные вехи жизненного и творческого пути мастера.

Жан Дювернуа. Рерих. Фрагменты биографии. (К десятилетию культурных учреждений Рериха в Америке). – Рига, 1932.

Оглавление

- Предисловие
- "Держава Света"
- Пути Азии
- Апокрифы
- Встреча в Лахуле. (Из бюллетеня Музея Рериха)

Аннотация

Н. К. Рерих (1874-1947) - всемирно известный художник, создавший более семи тысяч полотен, философ-гуманист, ученый-археолог и этнограф, историк культуры, путешественник, общественный деятель, педагог. '... Представленные фрагменты рассказывают о поистине благой и всемирной деятельности нашего доблестного Водителя Культуры. Некоторые жизнеописания являются лучшими руководителями молодежи. Не мечтания, не отвлеченность, но факт и неустанное творчество зажигают и зовут в будущее молодые сердца...' В книгу включена статья Жана Дювернуа - одного из сотрудников Музея Николая Рериха в Нью-Йорке (до 1935 года) о жизни и творчестве Николая Константиновича Рериха.

ПРЕДИСЛОВИЕ
к первому изданию 1932 года

К 10-летию культурных учреждений Рериха в Америке

За последние годы имя знаменитого художника Николая Рериха получило совершенно исключительное значение. Во многих странах оно явилось символом объединения и созидания. Более чем в двадцати странах как на Западе, так и на Востоке создано пятьдесят Обществ имени Рериха, посвященных Культуре, Искусству и Знанию; Музей Рериха в Нью-Йорке, привлекающий за год четверть миллиона посетителей; десятилетие образовательных учреждений, созданных Рерихом в Америке; Знамя Мира, предложенное Пактом Рериха и вызвавшее всемирное признание, - все это поставило имя художника в созидательный фокус, который в дни разрухи всеобщей является действенным маяком Света, вне границ и наций.

Новое восторженное внимание привлекли и вновь написанные картины Рериха, собранные как в Нью-Йорке, так и в Париже - Европейском Центре Обществ Рериха, а также показанные на музейных выставках Южной Америки. Большинство из новых картин посвящено Востоку, Азии, Гималаям. Один из лучших художников Индии - Кумар Хальдар - замечает, что нигде так не было отображено величие Гималаев, как в твореньях Рериха. Кроме мощного цикла Востока, художник не забывает своих западных знамений, давая триптих "Жанна д'Арк" и являя серию Мессии, причем идет по пути все более утонченно-обобщенного колорита.

Книги Рериха последних лет: "Цветы Мории", "Адамант", "Пути Благословения", "Алтай-Гималаи", "Сердце Азии", "Шамбала", также как и только что вышедшая из печати "Держава Света", - говорят о необыкновенно широкой деятельности, целительно и спасительно распространившейся во все концы мира. Столько необычного и знаменательного он создал! Представленные фрагменты рассказывают о поистине благой и всемирной деятельности нашего доблестного Водителя Культуры.

Н.К.РЕРИХ

(СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ)

Некоторые жизнеописания являются лучшими руководителями молодежи. Не мечтания, не отвлеченность, но факт и неустанное творчество зажигают и зовут в будущее молодые сердца.

Скоро исполнится сорок пять лет художественной деятельности Рериха. Судьба этого Мастера займет совершенно необычное место среди жизнеописаний художников и строителей жизни. Насыщенность творчества характерна для Рериха с первых дней его работы. Дэни Рош в "Газете изящных искусств" справедливо указывает на известность художника, сложившуюся с редкой логичностью и убедительностью. Вспомним его многочисленные творения, украшающие музеи и частные коллекции 22-х стран. Вспомним его мозаики и фрески храмов, из которых так необычна "Царица Небесная" в главной абсиде храма Святого Духа в Талашкино, имени княгини Тенишевой. Вспомним эпические изображения древних городов и монастырей, всегда близких сердцу художника. Вспомним также всю мужественную борьбу за искусство и культуру, которая красной победной нитью проходит через всю деятельность Рериха.

Вспоминая его скандинавское происхождение, неоднократно указывалось на характерные черты неустанного викинга в его многообразных творениях. От нидерландской готики до буддизма, от Кришны до Христа, от каменного века до фресок католицизма - во всех самых широких областях встретим не только живой отклик, но вдумчивое понимание и изображение. Создатель, строитель и собиратель по природе, Рерих собирает картины старинных мастеров, образцы каменного века, буддийские знамена - все памятники, где звучит Красота. В приемах своего творчества он, как природный искатель, не ограничивается одним материалом, но ищет выражения и в масляных красках, и в темперах, и в клеевых, и в пастели.

Прикасаясь к музыкальному и театральному миру, он ярко выдвигает образы Вагнера, Римского-Корсакова, Метерлинка, Лопе де Вега. Рериху посвящает Стравинский "Весну Священную", Станиславский поручает "Пер-Гюнта". На архитектурном конкурсе храма Рерих получает первый приз. Жак Бланш приветствует его незабываемые декорации для половецких плясок в балете Дягилева. "Ковент-Гарден" помнит его блестящую постановку "Князя Игоря", а Чикаго - постановку "Снегурочки". Серия "Героика", написанная в 1917 году в Финляндии, готовит новый путь художника. Эрнст заключает свою замечательную книгу о Рерихе следующими словами: "Общим устремлением последних работ Рериха является искание наиболее простого, всеобъемлющего, крепко спаянного в своей простоте живописного изображения. Это искание как нельзя более отвечает духовному пути Мастера, прекрасного в своей чистоте и силе; и шаги эти так верны и плодотворны, что нет сомнения в счастливом их завершении. Ибо Рерих верен себе, верен своей единой, сурово-волшебной мечте, непреклонно ищет заветы живописи и силен волей великих древних поколений, так чудесно в нем воплотившихся".

С тех пор, как были произнесены эти слова, прошло двенадцать лет. С тех пор Рерих проходил новые пути и восходил на новые материальные и духовные высоты. Всегда говорилось об особенных красках Рериха, о единственном, лишь ему присущем стиле. Эти качества за последний период работы слились в широкое понятие, соответствующее определению "космический синтез". С 1916-го года перед нами проходит совершенно неповторимый путь Мастера, который Клод Брегдон характеризует как "путь Посвященного":

"В истории искусства время от времени появляются определенные личности, творения которых выделяются своим исключительно глубоким, истинно мистическим качеством, отличающим их среди современников и делающим их выше определенного направления и установленной школы: они сходны лишь между собою как Посвященные, появляющиеся вне пространства и времени. Таковы были Леонардо да Винчи, Рембрандт, Дюрер и-в иных областях - Бетховен и Бальзак. Рерих в своей жизни, в характере своем и искусстве является членом этого братства. Тридцать пять лет он шествует по свету - Европе, Америке, Азии, впитывая ауры многих народов, совершая тайные паломничества, и всегда и всюду сеет

мудрость, насаждает семена красоты, ростки которой уже взошли и продолжают свой богатый расцвет".

Вместо того, чтобы с годами искать удобства городской жизни, пользоваться признанием и почетом, художник меняет спокойную жизнь признанного таланта на далекие странствия, сопряженные с величайшими трудностями и опасностями; что-то от великих искателей-викингов звучит в симфонии этого пути. С 1911 по 1920 год мы видим Рериха в Финляндии, Швеции, Норвегии, Англии и Америке, другом которой он был уже долгие годы. С 1920 по 1923 год Рерих не только завоевывает высшее художественное признание Америки, но и создает ряд художественно-образовательных учреждений, прочно утвердившись в широкой жизни Нового Света.

Но викинг не успокаивается. В мае 1923 года Рерих с семьей отправляется в долгую Центральноазиатскую экспедицию. До экспедиции художник посещает Францию, где когда-то он закончил свое художественное образование, и Италию, к старым фрескам которой он всегда питал искреннее восхищение.

Затем следуют шесть лет самых необычайных странствий и напряженного художественного творчества.

* * *

Суровость прежних красок, так красиво когда-то отмеченная литовским поэтом Балтрушайтисом, переходит в насыщенную, но легкокрасочную гармонию. Снежное царство Гималаев, монастыри Ладака, Монголии и Тибета, тончайший пурпур пустыни, величайшее восхождение тысячелетий придали необъятную ширину творчеству художника. Более 500 картин и серии этюдов составили новое завоевание Рериха. Наряду с этим художественным сокровищем нарастает ознакомление с народами и с мудростью древних Учений. Настолько необычно было это странствование, что в печати иногда появлялись поражающе ложные сообщения. Три раза сообщалось о смерти и гибели художника, писались какие-то невероятные измышления о самой экспедиции. Вообще можно себе представить, сколько легенд составилось около необычной жизни Рериха.

Теперь, когда экспедиция закончилась, можно сопоставить художественные результаты этого двенадцатилетия с предыдущим периодом. Многие картины этого периода как бы предугадывают все последующие. Вспомним большую картину 16-го года "Граница царства" с ее пурпурными и лилово-синими бесконечными горными кряжами. Разве в ней художник не выразил свое устремление к величественным Гималаям? Или в картине того же года "Зовущий" разве не было предугадано пространство бесконечных пустынь в ритме золотисто-желтых холмов? Картина же 1915 года "Знамение" зовет к чему-то грядущему, уже сужденному. На Востоке - в Монголии, Китае, Японии, Индии и Тибете - появились у Рериха новые друзья. В печати - новые оценки; вспоминаются из них следующие:

Александр Каун (Калифорния) называет Рериха "истинным строителем". Национальный Музей в Пекине приветствует Мастера: "Мы всегда почитали Ваше западное и восточное знание, и слава Ваша выросла и подобна Тянь-Шаню или созвездию Большой Медведицы. Хотя науки древности в бесчисленности своей словно океан. Вы, как Посвященный, знаете их все". Голос Монголии приветствует: "Такие великие всемирные личности, как Рерих, шествуют путем высших Бодхисаттв, будучи светочами столетий. В наш век эгоизма их великие дела приносят безграничное благо тем странам, через которые проходят эти великие души". Япония присоединяется к приветствию: "Достигнув подобных высот, гениальное творчество Рериха неустанно растет. Вдохновленный внутренним стремлением, неустанно ведущим его вверх, он ищет новые высоты и побеждает, казалось бы, непреодолимые препятствия. Рерих - творец, писатель, мыслитель и водитель - предвидит приближение его Нового Мира, когда наиболее идеальное войдет в жизнь. Любовь, Красота, Действие - щиты Рериха, и во имя их он одержал свои великие победы". Рабиндранат Тагор, Кумар Халь-дар, Ганголи и многие другие писатели и художники отметили особое понимание духа Индии в картинах Рериха. А.Джан Гопал Мукерджи и Кумар Халь-дар указывают, что нигде еще сущность Гималаев не была выражена так, как в картинах Рериха.

Приветствуя Рериха от имени семи миллионов жителей Нью-Йорка, городской глава Джеймс Уокер говорит: "Приветствовать профессора Рериха опять в Америке является для города Нью-Йорка большой честью. Вы, всегда имевший целью международный мир, действительно должны были вернуться в город, который является как бы символом объединения всех народов. Вы принадлежите этому городу как вестник единения человечества. Для мира является большим достижением тот факт, что Вы выполнили эту миссию доброжелательства, что Вы принесли и самым дальним народам земли понятие мира и весть о братстве. Я не знаю никого, кто бы достиг большего в этом направлении, чем Вы, который путем великих усилий в этом деле всегда стремился установить братство и взаимопонимание среди народов всего мира".

* * *

Смеем ли думать, что творчество этого Мастера может замедлиться или остановиться? Наоборот, из всего заметно лишь необычайное расширение его творчества во всех направлениях. Музей Рериха в Нью-Йорке процветает и расширяется, также и Институт Объединенных Искусств, и Международный Центр Искусства, а в концепциях его новых картин усиливается звучный колорит и богатство их построения: вот возносится Чаша Христа в ночной синеве Гефсимании; Будда в сталактитовой пещере над рекой жизни залит янтарно-золотым сиянием; Моисей - в творящем приказе в фиолетовой мгле вершины Синая; Магомет в знойных лучах розовой Аравии внимает зову Архангела; а в одной из последних картин Кришна, играя на серебряной свирели, зовет все живущее к радости. И вокруг расцветают молочно-белые яблони и розово-пурпурные сливы и вишни. После грозных обликов так называемых пророческих картин Мастера 1914 года мы опять видим радость красок и кристальность горных вершин, которые объединяются в космическом синтезе. Это определение действительно наиболее точно для последнего периода творчества Мастера.

Когда вспоминаю Музей Рериха в Нью-Йорке, мне приходят на ум заключительные строки статьи Народного об этом музее: "Одно для меня остается неясным: будет ли Музей Рериха называться музеем или храмом?" В этом вопросе звучит характерное отношение современника, чувствующего всю полноту этого искусства. В 1929 году "Нью-Йорк Тайме" объявил список кандидатов на Нобелевскую премию: Н.Рерих, сенатор Жувенель, Эдуард Герриот, Рамзай Макдональд и Келлог. Разве это не есть победа творчества?

* * *

Очертить жизненный путь Рериха - это значит привести ряд неоспоримых поучительных фактов неуклонно нарастающей жизни. От десяти лет, от первого кургана, настойчиво исследованного стремящимся к познанию мальчиком, и через сорок пять лет до Водителя Культуры, имя которого всемирно известно, - поистине проследить этот путь поучительно всем молодым сердцам, ищущим геройства и устремленным к неустанному познанию. Вспомним ли мы пытливого мальчика-исследователя или юношу, приносящего в редакцию свои первые литературно-художественные попытки; вспомним ли художника, необычайно быстро завоевавшего широкую известность; вспомним ли деятеля - горячего охранителя памятников Красоты и науки, вспомним ли победоносного создателя целого ряда культурных учреждений, - мы слышим все ту же победную песнь творчества и созидания, видим то же неустанное сотрудничество во имя победы эволюции.

Каковы же основные качества этого необыкновенного восхождения? Сам Рерих писал о Франциске Ассизском, отмечая его неотрицание и неосуждение.

Обычно люди любят то в других, что им близко самим; и действительно, эти качества прежде всего присущи Рериху. К тому же он знает так много и, ведомый всей мудростью прошлых накоплений, неустанно повторяет огненную формулу: "Пылайте сердцами и творите любовью". Обычно не трудно познать сущность творчества писателя или художника; надо лишь взять смысл, содержание и название их произведений. Если мы возьмем ряд произведений Рериха, как художественных, так и литературных, то даже одни названия их за сорок лет составят целый словарь героизма, подвига и водительства ко Благу и Красоте. Вспомним некоторые из этих

названий, начиная от конца прошлого столетия: "Гонец", "Сходятся старцы", "Город строят", "Зов колокола", "Владыки нездешние", "Царица Небесная", "Экстаз", "Ангел последний", "Мы открываем Врата", "И трудимся", "Святые гости", "Вестник", "Сергий Строитель", "Книга голубиная", "Не утрашимся", "Чудо", "Мессия", "Знаки Майтрейи", "Чаша Нерасплесканная", "Приказ Ригден-Джапо", "Меч Гессар-Хана", "Знамя Мира", "Madonna Laboris", "Свет Небесный", "Моисей Водитель", "Чаша Христа", "Сожжение тьмы", "Сокровище Мира". Даже и эти несколько названий говорят о том, куда устремлялся дух художника за десятки лет созидательства.

* * *

У каждого созидателя должны быть враги, иначе он и не был бы созидателем. Об этих-то врагах Рерих говорит в своей статье "Похвала врагам". Он даже как-то любит их всех, с кем ему приходилось скрещивать мечи в бесчисленных поединках за Культуру. Если мы проследим эти вражеские выступления, то одно необычное качество их остановит наше внимание: Рерих не умален врагами. Не зная истинных побуждений и сложных обстоятельств жизни его, часто враги приписывали ему самые необычные действия, но всегда были велики эти наговоры и предположения. Ему приписывались и завоевания целых стран, и "что-то несказуемое на уме"; даже будто бы седели волосы от взгляда Рериха, да и многое другое. Но враги никогда не отказывали ему в творчестве, в работоспособности и в широком влиянии, следующем всюду за именем его.

* * *

Литература о Рерихе в разных странах и в самых даже неожиданных изданиях необычайно многочисленна. Из всей этой массы суждений ясно одно: личность его постоянно находится в центре внимания и исследования. Если же мы возьмем обращения и призывы Рериха к многочисленным обществам его имени, раскинутым по всему свету, мы опять увидим ту же мудрость и неустанную работу на соединение народов именем Красоты и Знания. Поэтому и понятно, отчего теперь даже не близкие Рериху люди говорят: "Где Рерих, там будет и успех". Один известный восточный деятель пишет: "Наши земли почтены проходом Рериха, совершающего свой путь Бодхисаттвы". Что же может сказать большего Восток о художнике, мыслителе и сеятеле Культуры? С другой стороны, банкир говорит о практичности финансовых соображений Рериха - что же может сказать большего материалистический Запад? В наши дни смятения, измельчания и обессиления личность Рериха, отмеченная действенным водительством, является примером зовущим и объединяющим.

* * *

Возвращаюсь к биографии. Получив необычно раннее назначение помощником директора музея Общества Поощрения Художеств, Рерих уезжает в Париж, а по возвращении избирается генеральным секретарем Общества. В 1906 году следует назначение на пост директора Школы и новое путешествие за границу. Также и это путешествие приносит богатые плоды, дает художнику новые силы и возможности. Во время революции, несмотря на предлагаемый ему пост министра изящных искусств, несмотря на преобразование Школы Общества Поощрения Художеств в Академию, Рерих (который находился в то время в Финляндии) уезжает в Америку, где начинается новая фаза его созидательной деятельности. Но как только основанные им художественные учреждения в Америке крепнут, суля возможность спокойной признанной работы, Рерих уезжает в опасную экспедицию - в самое сердце Азии. В 1929 году он возвращается в Америку, чтобы окончательно утвердить развитие своих культурных учреждений. 10 000 друзей и почитателей приходят отпраздновать 40-летие его работы. Но едва убедившись в жизненности своих построений, Рерих опять стремится далее, чтобы заняться организацией Гималайского Научного Института.

Всегда привлекал общее внимание миф об Антее, получавшем новую силу от прикосновения к Земле. Такое же представление возникает, когда мы сопоставляем следствия отъездов Рериха в чужие земли или просто к природе. На протяжении всей его жизни устанавливаются как бы особый ритм и обновление сил. Конечно, для такого обновления нужна большая доля отважности, но,

может быть, существует такое сверхзнание, какая-то Рука Водящая, которая неутомимую, казалось бы, отважность обращает в мудрое продвижение. А может быть, это и есть несение той Пламенеющей Чаши, о которой художник так часто пишет в своих книгах и которую изображает в картинах. Вообще подобные образы постоянно воспаляют его воображение; так часто пишет он о каких-то крыльях (в одной из последних картин - "Fiat Rex" - лучи, сияющие из оплечий, тоже напоминают крылья). Еще одна из тем, непрестанно возникающая в картинах и литературных трудах Рериха, - это духовная битва. "На поле Курукшетра"... - так начинается свое повествование Бхагават Гита; к этому полю священной духовной битвы постоянно стремится дух художника. Приведу маленькую подробность ко времени писания картины "Бой" (теперь находится в Третьяковской Галерее): на картине, как помните, большое медно-звучащее небо; первоначально оно было покрыто мчащимися Валькириями, но потом художник обратил их в несущиеся облака, сказав при этом: "Пусть присутствуют незримо". Это незримое присутствие не является ли типичным для деятельности самого художника?

Помню, как однажды пришлось услышать от одного из членов совета Школы Общества Поощрения Художеств о находчивости Рериха в трудных вопросах: "Мы говорили про него, что Рерих уж как-нибудь да вывезет; а через несколько часов явился улыбающийся Рерих и сообщил о благополучном разрешении всех трудностей". Помню, как однажды Рерих был приглашен экспертом в многомиллионном финансовом вопросе, и его решение было признано наиболее правильным всеми банковскими главами, хотя на первый взгляд и поразило своею необычностью. Это качество необычности подходов и решений очень характерно для жизненной стратегии Рериха. "Прекрасный девиз бойскаутов "всегда готов", - заметил как-то Рерих. Постоянная готовность также является отличительным свойством Мастера. Мастерство искусства жизни позволяет Рериху сделать столько, сколько он смог уже запечатлеть. Не раз приходилось видеть, как он, работая над картиной, в то же время диктовал важное воззвание или, диктуя документ, поддерживал два разговора. Когда же его спрашивали, как он вмещает это, ответ был: "Очень просто".

* * *

Чтобы очертить размеры общественных сношений художника, вспомним несколько имен, упоминающихся в его биографиях. Разновременно мы видим его с лучшими представителями науки и искусства, с главами правительств и религий как Запада, так и Востока.

На императора нападали за то, что он любил церкви новгородского и псковского стилей и хотел иметь в Царском Селе собор подобного характера. Император говорил Рериху: "Если моя прабабка могла строить в Царском Селе китайскую деревню, неужели я не могу иметь русского храма?" Когда был объявлен конкурс на проект церкви в государевом имени, Скерневицах, один из придворных чинов, очень почитавший искусство Рериха, предложил ему послать и свой проект. Велико было изумление, когда по вскрытии пакетов оказалось, что первый приз присужден не архитектору, а художнику Рериху. При этом не забудем, что не случайно именно Рерих был избран в правление Общества архитекторов.

* * *

Интересно проследить направление творчества Мастера за последнее время. Мы видим насыщенную работу, в которой каждый создаваемый образ как бы порождает следующий, сплетая хотя и разноцветный, но обобщенный венок. Картины очень различны по тональности, неожиданны по сюжету, и тем не менее они укладываются в какую-то своеобразную гирлянду. Например: Царица Небесная в царственном уборе молится о преуспевании мира; Мадонна труда в неустанном бдении спасает заблудшие души, и восхищен Господь этим подвигом; та же Мадонна - с младенцем, но скорбен взгляд ее. Этот облик как бы объединяется в триптихе, посвященном Жанне д'Арк: к той же скорбной Богоматери обращается Святая Воительница перед битвой, к Ней же обращен и взгляд Подвижницы во время казни. А небо - как в победе, так и над костром - то же необъятное, овеванное волною синевы, которую так широко умеет влить на полотно Рерих. Вот Подвижник - осиянный волнами Благодати, с Пламенеющей Чашей в руках; многоцветны струи воздуха вокруг: синие, лазоревые, пурпурные - цветение подвига. В том же многоцветном сиянии Владыка несет с гор Венец Мира ("Fiat Rex"). На крыльях триптиха - осененные светом мужской и женский облики. Она

- с чашею и кадиллом. Он - с мечом и щитом. Другой подвиг - "Скрижали Завета": на каменных плитах высекает Он, великий и одинокий, заповедь жизни.

В пламенных струях возносится осиянный светом Илья Пророк: какая звучащая медь в пламенеющих красках клубящихся туч! Подходя к картине, зритель спросит: как же она сделана? Точно краски мгновенно претворились на полотне. Это и есть синтез. Тот же пламень, но с царственным пурпуром, в последней картине "Святая София - Премудрость Божия"; как будто то же огненное задание, но музыкальный ключ повернут к более насыщенному спокойному тону. А вот и "Зороастр": на высокой скале перед гаснущим закатом выливает он из Чаши на землю жизнедательный пламень. Не к тому же ли огненному подвигу ведет нас и серия Ашрама? На одной из этих трех картин за скалою Ашрама еще пламенеет закат, но на двух боковых - спокойны скалы, изумрудно-зеленая вода, и скользит по ней ладья с таинственным путником. Не за мною ли? Не зов ли? Не весть ли? Застыли в наступающем сумраке гиганты-бамбуки, а на скалах чуть светятся изваяния слонов. Это не Тибет, это Юг; может быть, Цейлон, может быть, Голубые горы или Эллора.

А в работе уже "Гиганты Лахуля", "Воинство Гессар-Хана" и "Норбу Ринпоче" - все тот же подвиг, та же Пламенеющая Чаша. И так в какой-то несказуемой сюите соединились самые разнообразные элементы. Готовятся эскизы к серии "Чингиз-Хан" и "Цветы Тимура". Там - верблюды, арабы, одинокий силуэт матери Чингиза и пламенеющие в сумерках сторожевые башни. Опять готовится продвижение, снова кипит в горниле зачатие подвига.

Чаша и меч - эти начала сверкают по всей амплитуде вдохновения художника. С мечом - Жанна д'Арк, с чашею - Владыка; Царица Небесная сложила руки чашей, с мечом - воинство Гессар-Хана; на обоеручный меч оперся воин, идущий к Владыке Венца Мира. И вьются знамена как над воинством Жанны, так и над ордами Гессар-Хана.

* * *

О чем же говорит в эти дни художник? Он говорит, и пишет, и шлет вести о Знамени Мира. Культура - его любимое слово, и в его понимании оно звучит почитанием Света. "Не роскошно, но культурно", "Не выходите за пределы истины", "Глазом добрым", "Поймите сердцем", "Не языком болтайте, но сердцем скажите", "Не предавайте", "Ссориться даже звери умеют", "Не забудьте: вы служите, а не вам служат", - так заповедует Рерих, всегда берегущий основы общественности.

Кто-то назвал Рериха Мономахом. Это неверно. Ценящий общественность, он - вождь, но не единоборец. Во всех учреждениях, в которые входил он, прежде всего по его инициативе учреждались советы для выражения широкого общественного начала. Кроме того, с ним всегда его сподвижница и вдохновительница Елена Ивановна Рерих, покровительница женского Единения, замечательные труды которой мы всегда будем вспоминать с благодарностью. С ними и сыновья их, Юрий и Святослав, уже создавшие себе в своих областях крупные имена. С ними ряд ближайших сотрудников - пламенных, сплоченных в одну семью. Рерихиды, как их назвала пресса, отмечая их сильную организацию.

Рерихиды Культуры! Один автор, вовсе не близкий Рериху, выяснил, насколько почетно это название.

Рерих не раз отмечает, что Культ-Ура может быть понимаема как почитание Света, ибо древневосточный корень Ур значит Свет.

* * *

Рерих зовет к веку прекрасному: "Иерархия есть планомерное сотрудничество. Если кто истолкует его в своем условном понимании, он только докажет, что мозг его не готов для кооперации. Так сказано. На чем же согласимся? На чем простим? На чем поймем? На чем расширимся? На чем не ущемимся? На чем тронемся дальше? Обойдя все круги Дантовы, придем к сотрудничеству. Сотрудничество, сострадание - та же любовь, заповеданная всеми иероглифами сердца, любовь - Мать Мира. Неисчерпаемая, любовь творящая. Создавшая племя Святых людей, не знающих ни земли, ни народности. Поспешающих на крыльях духа на помощь, на сострадание, на сотрудничество. Спешащих во Благо. Несущих капли Всепонимания, Всеединой Благодати.

Спешит мир в переустройстве. От злобы устало сердце человеческое. И в трудах смятенных

вновь вспомнило о Культуре, о знаках Света. И шепнуло друг другу: "Есть оно - будущее, для чего мы пришли сюда". Ведь не для опоганения, не для ужаса, но шли сюда для труда совместного, для познания, для просветления. Возьмем же этот Вселенский Свет. Возьмем Преображение Мира, предуказанное, предсужденное.

Все народы знают, что место Святых людей на горах, на вершинах. От вершин откровения. В пещерах, на вершинах жили Риши. Там, где начинаются реки, где вечные льды сохранили чистоту вихрей, где пыль метеоров приносит от дальних миров доспех очистительный. Там возносящее сияние. Туда стремится дух человеческий. Сама трудность горных путей привлекает. Там случается необычайное. Там мысль народная работает кверху. Там каждый перевал сулит невиданную новизну, предвещает перелом на новые грани великих очертаний.

На трудных путях, на опасных горных перевалах стоят изображения Майтрейи, Владыки Светлого Будущего. Кто озаботился поставить их? Кто потрудился? Но стоят они, часто гигантские, точно нечеловечески созданные. Каждый путник прибавит свой камешек к нарастающему мандангу. Разве насмехнется сердце ваше над этим камнем для ступеней будущего? Нет, путь трудный и опасный откроет сердце наше. Не усмехнетесь, но, улыбнувшись во Благое, прибавите и свой камень к сложению ступени всевещающего Света" ("Майтрейя").

Рерих шлет обществам его имени зов о Культуре: "Конечно, говоря о Культуре, мы часто наталкиваемся на странное ограничение этого всепроникающего понятия. Часто с понятием Культуры ошибочно связывается представление о чем-то сверхобычном, почти недостижимом в сумерках обыденной жизни. Между тем, как раз наоборот - Культура тогда таковой в сущности и будет, если войдет во все дни жизни и сделается мерилем качества всех наших действий. Сколько зовов, ободрений, укреплений придется сказать во имя Культуры! Сколько устремлений в будущее придется произнести! С ростом утончения сознания придет вмещение и разовьется чувство ответственности. Станет ясным различие обыденности от каждодневности, и мысль обратится ото дня вчерашнего - к светлому завтра. В непрестанном предстоянии мы избежим утомления и нисхождения. Для незнающих Культуры бывает страшна каждодневность, а, между тем, в ней выковывается совершенствование и восхождение. Утонченное сознание примет все трудовые века как источник бесконечного творчества.

Завещание может быть кратко: "Пылайте сердцами и творите любовью". Сколько добра принесете, приобщая вновь подходящих к миру Красоты. Пойдем же вместе туда, где нет границ и конца. Где можно каждое благое мерцание превратить в сияние радуги благословения мирам..." ("Привет нашим Обществам Культуры").

Рерих пишет о необходимости обновления любви к книге: "Именно сейчас нужно особенно подчеркивать необходимость сотрудничества между читателем и издателем и обновить любовь к книге, финансовые кризисы обычно больше всего отражаются на способах и качестве просвещения. Это печально, но это так. Точно бы в силу материального кризиса кто-то получает индульгенцию на невежество и одичание. Именно теперь мир переживает незапамятный, глубоко внедрившийся материальный кризис. Кризис перепроизводства, кризис падения качества, кризис веры в возможность светлого будущего. Главным образом, это происходит оттого, что уже многие поколения приучаются верить - руководящая мощь Мира лишь в золотой валюте.

Но, призывая на помощь всю историю человечества, мы знаем, что это не так. Не будем еще раз повторять, что истинная валюта есть валюта духовных ценностей. Источниками этих ценностей несомненно остаются книги, на разных языках приносящие единый язык духа. Не может быть, но, наверное, именно сейчас нам нужно помыслить о книге, нужно светло ободрить издателей, мыслящих о Красоте. Даже среди стесненного нашего обихода нужно найти место, достойное истинным сокровищам каждого дома. Нужно найти и лучшую улыбку тем, кто собирает лучшие книги, утончая качеством их сознание свое. Неотложно нужно ободрить истинное сотрудничество вокруг книги и опять внести ее в красный-прекрасный угол жилища нашего. Как же сделать это? Как же достучаться до сердец остеклившихся или замасленных? Но если мы мыслим о Культуре, это уже значит - мы мыслим и о Красоте, и о книге как о создании прекрасном..." ("Любите книгу").

* * *

Говоря о синтетическом даровании Рериха, мы припоминаем целый ряд поучительных

фактов. Нет той области изобразительного искусства, в которой он не принял бы участия. Кроме станковых картин, он пишет и фрески, чему блистательным примером являются "Царица Небесная", "Сеча при Керженце" и "Покорение Казани". Необыкновенной выразительностью отличаются его мозаики, чему примером Почаевская Лавра, Храм в Шлюссельбурге и другие монументальные творения. Он испытывает себя и в керамике - например, фриз дома Страхового общества в Петербурге. Все знают театральные работы Рериха; стоит лишь вспомнить "Князя Игоря", "Пер-Гюнта", "Псковитянку", "Принцессу Малэн", "Сестру Беатрису", "Священную Весну", "Снегурочку". Будучи от природы дальновзорким, Рерих всегда говорил, что ему физически трудна иллюстрация "бланш и нуар" и миниатюра. Но, тем не менее, мы видим прекрасные иллюстрации к Метерлинку, миниатюры в "Романовском сборнике" и в изданиях Марфо-Мариинской Общины. Не забудем целые серии костюмов по рисункам Рериха и его эскизы для мебели, гобеленов и вышивок. Отзывчивый ко всем жизненным проявлениям, он также охотно и просто дает выражение своему творчеству в самых различных материалах; при этом он всегда знакомится и с особыми приемами каждой техники, что делает его сотрудничество особенно желательным во всех отраслях искусства. Так, например, в мозаике он давал изображение, указывая направление и форму всех камней, что помогало сохранить первоначально задуманный стиль. А этот стиль и есть тот "стиль Рериха", о котором говорят такие писатели, как Андреев, Тагор, С.Маковский, Эрнст, Бенуа, Гребенщиков и другие. А теперь, когда газеты отмечают всемирное появление Рерихидов, это есть ни что иное, как признание того же убедительного стиля.

* * *

Припоминаю, как после речи Рериха с цитатами из замечательных писем Андреева к художнику, проф. Милюков воскликнул: "Никогда не мог подумать, что они были так близки друг другу". Это замечание очень характерно, ибо, даже зная Рериха, трудно представить себе ту необыкновенно многообразную амплитуду касаний, которая может быть доступна синтетическому сердцу. Но случайно выявленная переписка, цитата или часть чьей-то лекции обнаруживают целую страницу самых сердечных отношений. Иногда приходилось спрашивать самого Рериха: "Почему Вы никогда не упоминали об этом?" А он улыбнется и скажет: "Да к слову не приходилось". Но из этого ответа не следовало, что он холоден к друзьям своим. Наоборот, каждая дружба была для него в разряде священных понятий. Никогда он не позволял осуждать друзей своих, а если и выслушивал молча такие осуждения, то только для того, чтобы потом многозначительно сказать: "Не говорите о том, чего не знаете".

Другая особенность Рериха показывает, отчего происходило вышесказанное: он не любит многолюдных собраний и открывает тайники свои лишь наедине.

Синтез, неукротимое устремление в будущее, отклик на все явления жизни, пытливая внимательность ко всему происходящему и творчество, творчество, без преувеличения, днем и ночью - вот основные черты Рериха с самого детства. Приятель отца Рериха, художник-любитель, пишет этюд в парке Извары, и этот этюд является первым побудительным толчком для девятилетнего гимназиста. В имении Рерихов проездом останавливается археолог Ивановский, в результате - стремление к археологическим исследованиям. Ученый лесовод приглашается для лесных дач имения - следствием является дендрологическая коллекция. Взрываются и разбиваются камни для шоссе, а в результате начало поучительного минералогического собрания. Пара старых монет с дедовского стола служит основой нумизматической коллекции, а охотничьи рассказы гостей тянут к охоте, облагораживая ее тургеневскими рассказами.

Как пчела избирает лучшие цветы, так складывается творчество Рериха, которое, не зная отступлений и заблуждений, идет, неустанно развиваясь и впитывая самые выразительные черты окружающего. Недаром Бенуа называл блестящие успехи Рериха "барсовыми прыжками", а другой писатель восклицает: "Да это же берсеркерство какое-то!"

Кто знает, может быть давние скандинавские традиции рода пробуждались в художнике.

Когда Рериха спрашивали, какое время лучшее для творчества, он усмехался: "Неплохо на пароходике через Неву; нехудо в трамвае или поезде. Движение дает даже какой-то ритм". Вот эти два ритма - "maestoso" и "accelerando" - наиболее характерны для духовного склада Рериха.

Говоря о ритме, нельзя не остановиться на ближайшем средстве духа Рериха с музыкой. Имена Вагнера, Римского-Корсакова, Баха, Мусоргского, Лядова, Стравинского всегда пребудут на

страницах его биографии.

Когда семилетнего Рериха привели к известному педагогу, директору гимназии Карлу Ивановичу Маю, то Карл Иванович, погладив его по голове, сказал: "Да ведь это будущий профессор". Рерих прошел курс в этой гимназии до 6-го класса на немецком языке. Из наук он любил историю, литературу, классических авторов. И до сих пор цитирует по латыни Вергилия и Овидия.

Не странно ли, что именно Рабиндранат Тагор первым отметил санскритское название имени Рерихов - "Извара". Но мы знаем, что при Екатерине II владелиц его, Воронцов, бывал в Индии, а в соседнем имении, Яблоницах, жил тогда же таинственный индусский раджа. Сохранились еще остатки особого, им разведенного парка. Ведь при дворце Екатерины II объединялось так много значительного и подчас неожиданного.

Между прочим, нам приходилось слышать от Рериха о возникновении многих замечательных коллекций именно во время царствования Екатерины Великой. Когда императрица слышала о богатстве кого-либо, она иногда неожиданно обращалась к нему: "Кстати, у вас, вероятно, замечательное художественное собрание. Через два месяца я приеду осмотреть его". И это посещение служило импульсом к составлению многих замечательных коллекций. При этом Рерих добавлял: "А ведь водитель так и должен поступать, обращая возможности в культурные русла".

К синтетичности дарования нужно отнести и синтетичность материалов. С одинаковой легкостью Рерих работал как маслом, так и различными темперами, акварелью и пастелью. В последнее время он останавливается на темпере, то есть, вернее сказать, на каких-то особых, лишь ему присущих технических комбинациях. Когда как-то спросили его, отчего он перестал писать маслом, Рерих ответил: "Все в мире меняется; масло чернеет, темпера выцветает, но я предпочитаю, чтобы мои картины стали снами, нежели превратились в сапоги".

Особенно интересно, когда художник говорит о внутреннем творчестве, о наполнении пространства творческими образами. Так же как в физическом плане передвижения художника не стеснены ни горами, ни морями, так же необъятна и сфера его творчества. Андреев назвал свою последнюю статью о нем "Держава Рериха"; другие пишут о "Мире Рериха", "Вселенной Рериха", пытаясь в этих названиях выразить его широкую вмещаемость и созвучность со многим зримым и незримым. Действительно, если взять картины и книги Рериха, то не целое ли мирозерцание заключено в "Цветах Мории" или "Путих Благословения", "Адаманте", "Алтай-Гималаи", "Шамбале", "Сердце Азии". И, наконец, выходит "Держава Света".

Нам приходилось видеть, как до художника доходили сведения о гибели некоторых его произведений. Во время войны и потрясений погибла "Ункрада", затем "Сестра Беатриса", "Змей проснулся", "Поход", "Святогор". Были безвозвратно попорчены панно "Хозяин дома сего" и "Сеча при Керженце". Я сам видел, как в Нью-йоркский Музей одна дама принесла сложенную как платок и протертую по всем складкам картину "Зовущий", почти в таком же состоянии принесли и картину "Песнь о Викинге". Обе картины были спасены с величайшими трудностями. Узнав об этом, художник сказал: "Такая уж их судьба. Каждая вещь имеет свою карму". Но эта карма, в представлении художника, не мертвый фатум, но живое начало, волнующееся и растущее подобно началу миров.

Вспоминаю о давнишних недоразумениях Рериха с группою «Мир Искусства». Но при возобновлении общества «Мир Искусства» в 1910 году именно эти же художники единогласно избрали Рериха своим председателем. И другие подобные случаи из жизни Рериха известны, когда именно прежние оппоненты избирали его своим представителем, отдавая должное его созидательному уму.

В рассказе своем "Пламя" Мастер описывает целый ряд жизненных опасностей, и можно узнать, что они имеют автобиографическое значение. Полковник Кардашевский описывает в дневнике экспедиции хладнокровие и находчивость Рериха при нападении голоков, замечая, что никакой военачальник не отдал бы лучших распоряжений.

Когда мне доводилось работать с Мастером, сколько доброжелательства, но и неуклонности приходилось отмечать. "Что сделано, то сделано", восклицает он и вместо отдыха вновь приступает к работе. Когда один журнал сделал предпраздничную анкету, как знаменитые люди проводят праздники, Рерих ответил: "За работою: в чем же лучший праздник, как не в работе". Без рисовки,

для него это было правдой. Недавно ему сообщили о выпаде одной газеты против его Знамени Мира. "Вот невежды, даже и напасть-то толком не смыслят", - только заметил Мастер, ценя подлинное искусство во всем. Про одного деятеля заметил: "Как художественно молчал он". Творчество действия и молчания.

Когда в Академии Художеств Рерих в один год прошел три класса, инспектор Академии Бруни только покачал головой: "Ах, Рерих, Рерих, все-то Вы торопитесь!" Он не подозревал, как ценно было время молодому художнику. До поступления в мастерскую Куинджи Рерих повез показать свои работы Репину. "Будете у Репина работать?" - спросили его. - "Нет", сказал он. - "Почему?" - "Да уж больно хвалит, а толком ничего не сказал". Зато у Куинджи Рерих нашел "толк" и сохранил на всю жизнь самое нежное отношение к своему мощному учителю. Вспомним хотя бы трогательное воспоминание о Куинджи в статьях "Гуру-Учитель" и "Святой Франциск Ассизский". Вообще тема учительства, знаменитое Гуру Индии, всегда близка Рериху. Сам он чтит это понятие, и последователи недаром зовут его "Гуру".

С.Маковский в главе "Рерих и Врубель" проводит интересные сопоставления этих двух корифеев русского искусства. Те, кто читал статью Рериха о Врубеле, поймут, почему искатель-Врубель всегда был так близок викингу-Рериху. Рассказывали, как трогательно хлопотал Рерих о назначении пенсии больному Врубелю. Впрочем, о многих заботится Рерих. Он устраивает стипендию Анисфельду, помогает в жизненных неприятностях Шагалу. Приходилось слышать от Д.Бурлюка, как благожелательно относился Рерих к нему, да и вообще ко всей группе новаторов. Но Рерих любит и картины Венецианова, и портреты Боровиковского, и декорации Гонзачи.

Род Рериха ведет начало от исландских и ютландских викингов. Один из его предков, некий Фредерик Рерих, состоит в 1250 году комтуром тамплиеров, а при Павле I кавалергарды Рерихи близки Мальтийскому Ордену. И трезубец герба Рерихов столь близок триединости печати тамплиеров. Невольно вспоминается Чаша Грааля и построение Храма. И незабываем замечательный сказ Алексея Ремизова, в его "Звенигороде", о Рерихе-Рюрике. А работы Константина Федоровича Рериха, юриста, отца художника, по освобождению крестьян и его участие в Вольно-Экономическом Обществе - разве не вводит все это в лучшие традиции русской интеллигенции?

Из старых мастеров Рерих любит Дуччо, Беноццо Гоццолли, Орканья, Сиенскую школу, Дюрера, Гольбейна, Кранаха, Питера Брейгеля Старшего и, конечно, нидерландские примитивы. Из новых - особенную склонность питает к Гогену, Ван Гогу, любит Мареса, Пюви де Шаванна.

Не касаюсь юридического образования Рериха, оно хорошо очерчено в книге Гидони (изд. "Аполлон"), но не могу не вспомнить, как легко присоединил Рерих юридический факультет к своему художественному и историческому образованию.

Уже в университете Мастера обуревают созидательные стремления. Видим его в числе учредителей общества имени Тараса Шевченко; затем через Потанина Рерих впервые и навсегда связывается с Сибирью; затем следует целый ряд учреждений, посвященных русскому и иностранному искусству, участие в "Содружестве", в философском кружке с Лосским и Метальниковым, издания Общины Святой Евгении, "Русское Слово", "Нива", Смоленский музей, конгрессы в Финляндии и Латвии, раскопки Кремля Новгородского, лекции в доме князя Юсупова и выставки по Европе, начиная с Праги. Мастер всегда помнит сердечный прием, оказанный ему на этой первой его заграничной выставке в 1904 году в Обществе Манес.

Постоянное созидательство и устремленность всегда ведут его вперед, а природное непоколебимое мужество создает вокруг его дел мощное течение, легко переносящее через все бури жизни. Когда кто-то из друзей его вздохнул о невозвратном прошлом, Мастер воскликнул: "Что значит все прошлое перед будущим?"

Под портретом в издании Евгениевской Общины автограф Рериха: "Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего". В этом вся эволюционная программа мудрой хозяйственности.

* * *

Творчество Рериха в период по 1920 год охарактеризовано многими русскими и иностранными писателями; здесь Ю.Балтрушайтис, Дэни Рош, А.Бенуа, А.Ростиславов, С.Маковский, В.Риттер. Сергей Эрнст в своей монографии 1918 года прозорливо предсказывает

дальнейшее восхождение Рериха. О том же говорит и Бенуа, отмечая в юбилейном издании 1916 года постоянное развитие творчества Рериха. Он кончает характеристику словами: "Главное все впереди". Пророчества сбылись. Главное началось именно после 1920 года, после целого ряда выставок в Финляндии, Швеции, Дании и Англии и, наконец, после тура по сорока городам Америки. Каждый месяц, вернее сказать, каждую неделю что-нибудь создавалось, объединялось, предreshалось, укреплялось.

С Америкой у Рериха было давнишнее знакомство, начало которому было положено двадцать пять лет назад, во время первой выставки американского искусства в России; причем выставку эту организовал он сам. После выставки русской живописи в Сент-Луисе Рерих разделил печальную участь многих русских художников, картины которых были проданы с аукциона за долги организатора выставки - Гринвальда. Среди восьмисот проданных картин ушли и семьдесят пять этюдов русской старины Рериха; те этюды, которые были названы С.Эрнстом "Пантеоном русской славы", которые в день объявления японской войны были приобретены царем для Русского Музея и лишь на время отосланы в Сент-Луис. В настоящее время сорок пять этюдов находятся в музее Окленда, семь недавно приобретены Музеем Рериха, а остальные, по-видимому, находятся в частных коллекциях Калифорнии и Канады. По обычаю своему Рерих нисколько не огорчился бедствием в Сент-Луисе. "Ну что же, сказал он, - пусть эти картины будут моими добрыми посланниками в Америке". Предуказание художника оправдалось. Посланники оказались добрыми, и это вспоминается теперь, при взгляде на величественное здание Музея Рериха в Нью-Йорке.

* * *

Кроме выставок, в 1920 году началось создание ряда культурных учреждений, начало которым было положено Школой Объединенных Искусств. В своем обращении к этой Школе по случаю ее десятилетия Рерих вспоминает момент ее основания:

"Кажется, будто еще вчера мы с М.М.Лихтманом спешим снять помещение для будущей Школы в Отеле Художников в Нью-Йорке. Случайно по дороге задерживаемся и, благодаря этой случайности, встречаем одного греческого художника, который бросается к нам с возгласом: "Уже три месяца ищу вас. Не нужна ли вам большая мастерская?" - "Конечно нужна, где она?" - "В доме греческой церкви на 54-й улице". - "Хорошо, завтра пойдем осмотреть ее". ~ "Нет, невозможно, не могу больше ее держать. Если хотите видеть, идемте сейчас же". И вот вместо Отеля Артистов мы сидим у отца Лазариса, настоятеля греческого собора, который уверяет меня, что я духовное лицо. Тут же решаем снять помещение, и под крестом греческого собора полагается начало давно задуманного Института Объединенных Искусств. Мастерская большая, но всего одна комната.

Говорят нам: "Неужели вы можете мечтать иметь Институт Объединенных Искусств в одной студии?" Отвечаю: "Каждое дерево должно расти. Если дело жизненно, оно разрастается, если ему суждено умереть, все равно умирать придется в одной комнате".

После Института с непостижимой для многих успешностью и быстротой основываются: Международный художественный центр "Корона Мунди", "Новый Синдикат", привходит "Алатас", основывается издательство при Музее. Затем складывается историческая Центрально-азиатская экспедиция, завершившаяся созданием Гималайского Института Научных Исследований. Разрастается список сотрудников, и, как естественное следствие возросшего влияния, в 1929 году создается ряд Обществ имени Рериха, которые к сегодняшнему дню уже в составе 50-ти Обществ широко раскинулись по обеим Америкам, Европе, Азии и Африке. Из выдающегося культурного деятеля Рерих становится Водителем Культуры. Всемирное Знамя во имя охранения Культуры привлекает миллионы сочувствующих и получает единогласное одобрение Комитета Лиги Наций, а Международная конференция в Брюгге, при ближайшем участии Международного суда в Гааге, дает новое подтверждение правильности всемирного культурного плана Рериха.

На шите Института Объединенных Искусств - девиз Рериха: "Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень один. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство для всех. Каждый чувствует истину Красоты. Для всех должны быть открыты врата "священного источника". Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищет что-то прекрасное и истинное.

Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем..."

На щите Международного Центра многозначительный зов Рериха: "Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания Культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже "земные" люди поняли действительное значение Красоты. И когда утверждаем:

Любовь, Красота и Действие, -

мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак Красоты открывает все "священные врата". Под знаком Красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И чужа путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее".

"ДЕРЖАВА СВЕТА"

Необыкновенная книга. Как раз накануне выхода этой книги мы сидели тесным кружком, жалуясь на судьбу, которая за последние годы послала человечеству столько смятения и неразрешимых заданий. И точно в ответ на наши вопросы пространству приходит эта книга, приходит зов о Культуре. И не только зов, но повелительное утверждение Культуры. И на этом утверждении мне хочется послать сердечный привет Рериху. Ведь он своею "Державою" утверждает то, о чем все так болеют сейчас. Для множества будни замкнулись в безысходные потемки. Сплошь и рядом приходится слышать страшное выражение "на дожитие". А завтра? Какое же может быть для нас "завтра" среди непомерных трудностей жизни? А тут вдруг стучится вестник, ведь сам Рерих так любит эту тему вестника, и приносит истинно весть бодрую. И не отвлеченно бодрую, а подтвержденную в жизни. Ведь и самому Рериху нелегко бывает строить его дома Культуры. Конечно, и у него бывают часы величайшей напряженности, которые можно преодолеть лишь необычайной твердостью сознания. Можно преодолеть их, зная лишь, куда и во имя чего идешь.

В "Державе Света", под которой Рерих подразумевает сердце человеческое, заключен целый жизненный кодекс. Это не учительство, это сама жизнь, со всеми ее основами и последствиями. Тут и обращение к молодежи о силе мысли, тут и утверждение всемирного Знамени Культуры, которое так славно было поднято самим Рерихом. В огненной статье "Держава Света" так неповторимо вызваны к жизни "умные делания" наших старцев и пустынников, и, что особенно значительно, они приближены к нашему современному пониманию. Они не только оживотворены, но и приложены к жизни. Это оживотворение так характерно для Рериха. Тут же находится и прекрасное слово памяти Куинджи, Дягилева, княгини Тенишевой; может быть, никто не запечатлел так тепло их память.

Совершенно необыкновенно звучат приветствия длинному ряду Обществ, посвященных имени Рериха. Велик и действенен добрый словарь этот. В разных странах ободрено и возвышено множество людей. Доброжелательно отмечено каждое искреннее стремление каждой группы. Тут и часовня Святого Сергия, тут и Сибирское Общество и Центр Спинозы, тут и Общества Святого Франциска и Оригена, Единение женщин, обращение к буддистам и широкий размах от Южно-Африканского Общества до Финляндии, от Японии до Франции, от Латвии до Таити. Книга приносит всем взыскующим о Культуре драгоценное напоминание о том, как Рерих, самими обстоятельствами выдвинутый в Водители Культуры, неустанно творит, творит в самом широком понимании этого слова. Именно это широкое понимание создает и многонародное течение

последователей Рериха. Книга доказывает, что в авторе нет сектантства, ханжества, слепого фанатизма, но есть умудренное знание. Все, что во благо, все, что в созидание, находит в нем привет и ободрение. А его собственные творческие действия показывают, что в наши дни возможно и строительство, и светлый взгляд на будущее.

Нам хочется поблагодарить Рериха за эту книгу от имени молодежи, от имени всех трудящихся и мыслящих о Культуре. Нам нужны маяки, в которых мы были бы уверены, что они стоят на местах правильных. А тут не только маяк, но целая держава. Эта держава вселенского сердца дает нам ту бодрость и мужество, которые так нужны для светлого будущего.

«ПУТИ АЗИИ»

Почти каждый день пресса приносит сведения о неудавшихся экспедициях в Азии, связанных с именами самых известных исследователей. Недавно сообщалось, что китайское правительство потребовало немедленного выезда сэра Орел-Штейна, хотя в его экспедиции были денежно заинтересованы Англия и Гарвардский университет в Америке. Назывались очень крупные суммы, потраченные на эту неудачу. Та же судьба постигла и Роя Андрияуса, несмотря на широкую поддержку Америки. Кончилось полной неудачей восхождение немецкой экспедиции на Канченджангу, а Свен Гедин, по-видимому, пока отказался от продолжения своих изысканий.

Последняя азиатская экспедиция, на которую в прессе возлагалось так много надежд и которая, вероятно, вызвала наибольшие затраты, была экспедиция, финансируемая Ситроэном. В ней принимали участие многие французы, русские и англичане; начальником был назначен Хаардт. Еще до отхода экспедиции возвещался обширный маршрут и указывалось в виде особого исключения, что весь путь будет проделан на автомобилях. Конечно, люди, знающие азиатские пути и перевалы, сомневались в исполнимости этой широковещательной программы. К сожалению, сомнения эти вполне оправдались. По непроходимости путей и вследствие запрета китайского правительства экспедиция должна была отказаться от всех своих первоначальных планов. Итак, пути Азии все же непреодолимы. Кто знает, где главное затруднение? Только ли в физических условиях или же в незнании местной психологии? Как-то один из приятелей моих дал мне книгу проф. Рериха "Сердце Азии". Книга была дана мне со словами: "А все-таки, должно быть, непобедим этот человек, пять лет проведенный в пределах Азии, перенесший несколько китайских и тибетских пленений и из всех необычайных трудностей вышедший победителем". Несмотря на всевозможные трудности, казалось бы, сверхмерные для сил человеческих, экспедиция Рериха не только в конце концов прошла намеченными путями, но и доставила богатый художественный и научный материал. В Музее Рериха в Нью-Йорке более 500 азиатских картин. Сам он выпустил уже три книги об этом путешествии, а в настоящее время сын его, Ю.Н.Рерих, напечатал еще два труда, причем видно, что материалы экспедиции еще далеко не исчерпаны, а выходят в обдуманной последовательности. Из данной мне книги узнал я, что экспедиция неоднократно подвергалась крайним лишениям. Задержанная властями Тибета на зимних нагорьях Транс-Гималаев, экспедиция потеряла всех своих животных, числом около ста, и только каким-то чудом не замерзла в летних палатках. А ведь в составе экспедиции были и три женщины, причем Е.И.Рерих, самоотверженная супруга художника, может назваться первой европейской женщиной, перенесшей все трудности экспедиции, все переходы на конях, верблюдах и яках.

Из больших экспедиций последнего времени эта необыкновенная экспедиция невольно останавливает внимание. Допустим, всем известна неутомимая энергия Рериха, известен его несокрушимый оптимизм и организаторские способности, но что же еще помогло ему и его спутникам справиться со всей массой опасностей в новых для них условиях? Казалось бы, одной находчивостью не победить. Думается нам, что в успехе этой экспедиции большую роль сыграло знание или, вернее, ощущение местной психологии. Ведь экспедиция проходила самыми разбойничьими районами, где хунхузы и голоки представляют весьма серьезную опасность. Только

недавно газеты сообщали, что хутухта внутренней Монголии обратился за помощью к китайскому правительству, ибо сам он не в силах справиться с разбойничьими бандами. Помним, как в течение тех пяти лет, как продолжалась экспедиция, газеты неоднократно хоронили Рериха ввиду отсутствия сведений о нем. Но проходили месяцы, и краткая телеграмма сообщала о преодолении новых трудностей. Но ни в одной из этих телеграмм, насколько знаем, не было желания сдать позиции и уклониться с намеченного пути. Вся экспедиция оказалась преддверием целого ряда работ, которые теперь осуществляются в Гималайском Научном Институте, основанном Рерихом.

Нам рассказывали, что когда однажды одно официальное лицо заявило Рериху о чем-то, по его мнению, окончательном, Рерих улыбнулся и сказал: "В нашем мире ничто неокончательно", - и продолжал свое настойчивое устремление. Также передавали мне, как отозвался об экспедиции Рериха один из явных его недоброжелателей: "Надо отдать справедливость такту и силе воли водителя, который избегал столкновений, сохранил европейский состав экспедиции и прошел по намеченному пути".

Одну из своих книг, посвященных этой экспедиции, Рерих назвал "Сердце Азии". Эта книга выдержала уже ряд изданий на многих языках. Не определил ли художник самим названием книги смысл того, что сделало успешной его экспедицию? Не прикоснулся ли он к сердцу человеческому, которое открыло ему все пути? Конечно, и всемирно известное имя тоже являлось ему верной защитой. А может быть, имело значение и его доброжелательное стремление не только увезти, но и принести что-то светлое и полезное. Думается, что каждый стремящийся в Азию должен был бы спросить: как ему удалось преуспеть в том, на чем многие известные лица должны были сдать свои позиции. Отраднo, что среди целого ряда неудавшихся экспедиций мы видим эту удавшуюся, и это заставляет нас оценить те качества, которые создали этот успех.

На эти соображения наводит нас только что вышедший труд Ю.Н.Рериха в издании Уэльского университета. Книга "Тропы Срединной Азии" делает честь молодому ученому, занявшему такое выдающееся место в научном мире. Видно, что автор собрал во время экспедиции уникальный материал и начинает систематически знакомить с ним научные круги. Книга будет ценным вкладом в библиотеки, ибо она дает ответ на многие научные проблемы.

Знание многих языков Азии, широкое ознакомление с источниками и беспристрастное освещение фактов - все ставит автора в ряд выдающихся ученых. Азиатские тропы для Ю.Н.Рериха - не темный лабиринт, но части стройного, замечательного в прошлом и будущем целого.

АПОКРИФЫ

Возле каждой значительной личности время как бы накапливает обширный апокрифический материал. Легенды окружают имена великанов духа. С незапамятных времен апокрифы и легенды отражали все необычное и героическое, составляя великое наследие человечества. Посмертные апокрифы часто становятся энигмой, ибо под сень великого имени последователи и враги сносят самые разнообразные измышления, и трудно бывает разобраться, что принесено во благо, а в чем звучала злоба или зависть. Редко можно наблюдать накопление такого апокрифического материала уже при жизни данной личности. Но для биографии Рериха очень поучительно уже теперь проследить нарастание и возникновение этих апокрифов, в которых так трудно будет разобраться будущим историографам. Многочисленны легенды о Рерихе, и многочисленны пользующиеся его именем для своих личных целей, ибо биография его полна необычайными фактами, и синтез его вмещает мастерство во многих областях искусства, археологии, архитектуры, поэзии и литературы. Его гений художника проявляется в самых разнообразных формах, настроениях, темах и комбинациях красок, которые каждой из его картин придают особенное излучение, признанное величайшими художественными критиками и знатоками искусства. Это качество присоединяет его к величайшим мастерам Ренессанса. Другое редкое качество Рериха - он признает все пути, ведущие к Красоте.

Как истинно великая личность, он никогда не употребляет ни резкой критики, ни злословия на своих коллег-художников. Это качество терпимости Рерих упоминает в одном из своих воззваний (напечатано ВО "Французском Вестнике" Музея Рериха), говоря о Пюви де Шаванне, которого он считает своим учителем: "Когда великий мастер Пювиде Шаванн высказывал свое мнение об искусстве, он всегда отличался чудесной терпимостью. Так, например, я помню, как однажды, посетив с ним одну выставку, я был поражен, с какой тонкостью он находил положительные и доброжелательные отзывы для самых разнообразных произведений. Лишь иногда мастер проходил молча - это был знак отрицания".

Одаренный блистательным многообразием творчества, достигнув всемирной славы, Рерих не утвердился в одной только стране, но после каждого нового успеха меняет свое местожительство. Я уже упоминал, что эти переезды напоминают обновление сил Антея.

Многих интересует и интересовало, в чем именно заключается величие и особый магнетизм личности Рериха. В 1929 году американская пресса весьма серьезно занялась разрешением вопроса: есть ли Рерих "Царь" или "перевроплощенный Махатма".

Много было сделано попыток по подделке картин Рериха. Появление таких картин можно проследить, начиная приблизительно с 1910 года. Эти подделки распадаются на два типа: одни из них подделаны под характерные сюжеты Рериха, другие же - картины определенных художников, снабженные подписью Рериха, иногда даже не совсем грамотной. Все это делалось, зная легкий сбыт и широкое распространение его картин. К последнему типу подделок относятся картины польского художника Фердинанда Рушица и Константина Врублевского, под которыми, вычистив их подпись, ставилась подпись Рериха. Называют еще картины русских художников В. и Р., которые также были снабжены поддельной подписью Рериха. Другой довольно распространенный тип подделок составляют картины, написанные на сюжеты, характерные для Рериха. В одной из своих статей художник сам рассказывает следующий характерный эпизод: один известный коллекционер, долго искавший для своего собрания типичную для творчества Рериха картину, однажды с торжеством заявил, что ему удалось приобрести за несколько тысяч большое полотно необычайной характеристики. Когда Рерих спросил, что именно, и счастливый собиратель начал описывать картину, то художнику этот сюжет показался незнакомым. При осмотре картины обнаружилась подделка: полотно величиною в 12 футов было написано или, вернее сказать, составлено по сюжетам нескольких картин Рериха: тут были и варяжские корабли, и укрепленные замки, и воины с червлеными щитами, и развевающиеся знамена; все это было сделано очень старательно, но - увы! ~ не принадлежало кисти Николая Константиновича. Кажется, дело это закончилось судебным процессом между коллекционером и лицом, продавшим эту картину. Нередко также картины Рериха разрезались на части, причем каждая часть продавалась отдельно. Такова была судьба нескольких его шедевров.

Вспоминается также характерная легенда: как-то художника спросил некто простодушный, правда ли, что сам он не пишет своих картин. Художник благодушно усмехнулся и отвечал: "Конечно, разве стоит самому беспокоиться, я их заказываю первоклассным художникам". В этом смысле Рерих разделил не только судьбу многих старинных мастеров, но и наследовал одну сказку, связанную с именем его учителя Куинджи, про которого говорили, что он вообще картин не пишет, но, будучи в Крыму, однажды убил известного художника и завладел его картинами. Успех Куинджи во время начала импрессионизма подсказал этот злой наговор.

Некий книгопродавец предложил одному из моих друзей анонимную книгу, утверждая, что она принадлежит перу Рериха. Причем сам он, по-видимому, имел лишь смутное понятие о личности великого художника и его литературных трудах. Весьма характерно, сколько поговорок, анонимных статей и даже книг уже теперь приписывают Рериху. Это напоминает, как даже в восточной старинной литературе около больших китайских, индусских, тибетских и арабских имен образовывалась обширная анонимная литература. Также и на Западе обильны посмертные произведения, приписываемые великим художникам, композиторам и писателям.

Разные жизненные эпизоды, приписанные художнику, составили бы необыкновенную

коллекцию. При этом вспоминается невольно, как покойный Куинджи сказал по выслушании очередной сказки о Рерихе: "В своем увлечении вы сделали из него не только всезнающего, но и вездесущего".

Еще недавно автору пришлось с прискорбием наблюдать, как один профессор-востоковед, обуянный профессиональной завистью, злобно измышлял разные мифы о Рерихе. Странно было слышать это из уст человека, претендующего на звание ученого. Впрочем, змей зависти всюду одного цвета.

Многоцветны легенды о Рерихе. Его личность окружена ореолом необычности и огромной потенциальности. Вокруг нее собрались противоречия друзей и врагов. "Похвала врагам", - говорит сам Рерих. Так оно и есть! Ибо все голоса согласно объединяются в одном - все приписывают Рериху необычную мощь. А если к измышлениям врагов прибавить комплекс доброжелательства или же просто смотреть на них не злым, а добрым глазом, мы, право, сможем в унисон с Рерихом сказать: "Похвала врагам!" Ибо если где-то сказано, что от взгляда Рериха волосы седеют, то другим его облик является зовущим и вдохновляющим на подвиг. Если трижды Рерих был похоронен в Сибири и уже служились панихиды за упокой его души, то на Востоке существует легенда о его неуязвимости и неуязвимости его спутников. Во время Центральноазиатской экспедиции Рериха тибетцы уверяли, что они стреляли в Рерихов, но их пули не могли пронзить выставленную им навстречу грудь.

Если и появлялись какие-то смутные намеки о генеологических связях Рериха, то им явно противоречит исторический факт происхождения имени Рериха от Рюрика. Недавно только один ученый спросил у Рериха самым серьезным образом, действительно ли он Рерих, а до того Рериха посещали люди с рекомендательными письмами, адресованными "французскому королю". Кто-то, интересуясь Рерихом, назвал его "белым магом", а некоторые утверждают, что они видели огни над горным хребтом и домом, где жили Рерихи. Вспоминается один эпизод, имевший место в лаборатории Боше в Калькутте. Знаменитый биолог демонстрировал Рериху процесс умирания растения: "Сейчас я дам яд этой лилии, и вы увидите, как она вздрогнет и поникнет". Но вместо увядания лилия поднялась еще выше. Ученый задумался: "Давно предугадывал я, что эманации некоторых сильных людей должны влиять на окружающие физиологические процессы. Вы препятствуете смерти растения, отойдите подальше". И действительно, когда Рерих отошел, жизнь растения прекратилась.

Ламам было приказано их духовными силами, так они утверждают, принести в дар супруге Рериха (которую они считают Тарою) фигуру Будды.

В далеком краю миссионер отказал сдать Рерихам дом из-за "буддистских симпатий Рерихов", между тем как в то же самое время Николай Рерих закладывал часовню Святого Сергия и основывал общества, посвященные всем религиям мира; в то же время Папа Римский послал Рериху свое благословение.

Взглянув на портрет Рериха, один каббалист воскликнул, пораженный мощью его глаз: "Какие окна духа!" Но легенды о Рерихе творятся не только на Востоке. Проследим, как и наш утилитарный Запад превозносит его на страницах прессы. В "Нью-Йорк Тайме" находим сообщение о появлении особого племени рерихидов. "Нью-Йорк Америкэн" пишет:

"Рерих способен при первом же разговоре с понравившимся ему человеком вынуть из кармана чудесный рубин или жемчужину и подарить их счастливцу". А Музей имени Рериха характеризуют как "Музей мистерий".

Один знаменитый писатель и лектор говорит на одном собрании: "Истинно я чувствую, что Рерих есть символ власти духа, и мы имеем столько светлых доказательств, что дух его всемогущ, вездесущ и всемогущ". Такими понятиями окружает Запад имя Рериха.

Неиссякаемая энергия, которая заложена в любой из фаз его творчества, всегда служила предметом величайшего изумления: "Десятеро не могли бы сделать того, что создает гений Рериха". Саги о Рерихе Ютландском приписывают ту же неиссякаемую энергию первому историческому прародителю этого имени. "Правда ли, что Рерих, как Посвященный, знает все языки?" спросили как-то автора. Истинно поучительно видеть, как живы еще старые и творятся новые легенды и апокрифы. Не случайно говорит Пиндар, этот знаток человеческого сердца: "Чаруя мифом, влечет нас мудрость".

ВСТРЕЧА В ЛАХУЛЕ

(Из бюллетеня Музея Рериха)

После шестидневного пути по узким, вьющимся над пропастями тропинкам, пройдя перевал Ротанг Пасс (13 400 футов над уровнем моря) и все снежные аваланши, мы достигли, наконец, Кейланга, столицы Лахуля, называемого Западным Тибетом. Прекрасное утро. Перед нами блистают глетчеры центральных Гималаев. Снежные вершины поднимаются до 21 000 футов, а в долине гремят воды горных потоков. Здесь же на высоте 10 000 футов дышится так легко. Наши лошади чувствуют приближающийся отдых и начинают идти быстрее. У моста нас встречает школьный учитель в тибетском костюме и отделанной мехом шапке. Он приветствует нас гирляндами из душистого желтого шиповника. Не успели мы сделать другой поворот, как нас уже ждет встреча: целый оркестр из труб и барабанов. Здесь нас встречает Вазир, правитель этого края, и приносит нам в дар гирлянды цветов и ладан.

Под грохот оркестра мы приближаемся к Кейлангу. Проезжаем мимо местного монастыря, где, приветствуя нас, мощно звучат гигантские трубы, а на плоской крыше, выстроившись в ряд, стоят ламы, включая седобородого главного ламу. Они имеют величественный вид в своих красных одеяниях и прекрасной формы тиарах. Крыши города полны людей. Женщины в праздничных одеяниях забрасывают нас дождем цветочных лепестков. Улицы базара запружены народом. Школьники стоят, выстроившись в ряд, и по знаку, данному Вазиром, толпа приветствует нас радостными кликами. Мы проезжаем через украшенные можжевельником арки, построенные специально для нашей встречи, с трогательными надписями наверху: "Долгие годы благородному профессору Рериху и его супруге". И к трубному гласу и барабанам улыбающаяся толпа лахульцев присоединяет свои приветственные песни. Так, в растущей процессии, предшествуемой музыкой, мы направляемся к Лахульскому отделу Гималайского Института Музея Рериха. Однако приветствия еще не кончились; приближаясь к лагерю, мы замечаем еще одну депутацию лам, также с трубами и в тиарах. Они предлагают нам тибетский чай и восхищаются, как свободно Ю.Н.Рерих говорит по-тибетски. Приближается процессия женщин, возглавляемая красавицей-туземкой. Ее головной убор сплошь покрыт бирюзой, с каждой стороны его свисают по двадцати тяжелых серебряных серег, в носу большое золотое кольцо; вышитое яркендское покрывало в виде мантильи служит как бы фоном для множества драгоценных украшений, а серебряный молитвенный ящичек висит на ожерелье из кораллов, золотых бус и бирюзы. Она подносит нам священное молоко яка и поливает им наши руки. Это большой день для всего Кейланга, ибо гости, которых туземцы встречают, окружены в их глазах ореолом славы за пройденные пути Азии, за победу, одержанную над всеми трудностями, и за великое понимание человеческого сердца.

Чудесное, сияющее, мирное и незабываемое утро!

* * *

По всей жизни Мастера прошли зовы Востока. Замечательно, что одним из самых ранних детских воспоминаний его является старинная картина в отцовском доме, изображавшая гору, озаренную лучами восходящего солнца. Впоследствии Рерих нашел гравюру этой картины в биографии Ходсона - это была Канченджанга!

От легенд, от апокрифов, которые часто ближе к жизни, чем официальные источники, опять вернемся к реальности. Почему так верят самые разнообразные люди Рериху? Только ли потому, что правдивы и прекрасны зовы его? Потому ли, что успех сопровождает дела его? Может быть, еще и потому, что каждый сотрудник его знает: Рерих не предаст, не отступит и всегда найдет оправдывающую крупницу истины. Это сознание уверенности среди поколебленных устоев окружающей жизни создает то, что за Рерихом идут легко, ибо и цель будет поставлена большая и

само странствие превратится в поход к Свету. Сердечностью звучат призывы Рериха, зовущего, указующего и свидетельствующего жизнью своею, как легко и достижимо превращать хаос непонимания в праздник подвига. Из последних призывов Рериха не могу не привести его зова к Единению Женщин. Не холодом рассудка, но всей теплотою сердца написаны эти слова:

"Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце. Истинно, когда злоба измельчает решение разума, только сердце находит спасительные исходы. А где же то сердце, которое заменит сердце женское? Где же то мужество сердечного огня, которое сравнится с мужеством женщины у края безвыходности? Какая же рука заменит успокоительное прикосновение убедительности женского сердца? И какой же глаз, впитав всю боль страдания, ответит и самоотверженно, и во Благо?"

Не похвалу женщинам говорим. Не похвала то, что наполняет жизнь человечества от колыбели до отхода. Кому давали венки? Издревле венки давались героям и были принадлежностью женщин. И женщины древности при гадании снимали эти венки и бросали их в реку, при этом всегда думая не о себе, а о ком-то другом. Если веночек-венчик есть символ героизма, то запечатление этого героизма - именно когда венчик снимают во имя чего-то или кого-то другого. И это не только бездеятельное самоотвержение, нет, это действенный подвиг! И опять не будет похвалой, но действительностью, когда мы сопоставляем женщину с подвигом.

Ушло средневековье с унижением и умалением женского достоинства. Люди опять сознали грядущую эпоху Матери Мира. И опять меч подвига в руке Жанны д'Арк. И опять сияние - но не зарево костра, а пылающее сердце. Сколько тьмы, сколько уродливых порождений злобы и невежества сожжет это сердце пылающее. Сколько пошлости, сколько безумных умалений достоинства человечества сметет луч сердца женского, осознавшего веночек-венчик, ей врученный.

Когда мы говорим о Культуре, разве мы не имеем в виду прежде всего женщину, которая неудержно широко понесет Знамя утонченной возвышенной Культуры во все концы, от колыбели до трона.

Когда в доме трудно, зовут женщину. И в телесных, и в духовных болях призывают именно ее. И к кому же обратиться это слово "трудно", "тяжко", как не к женщине? А ведь сейчас трудно, очень трудно в большом доме планеты. Смутился дух человеческий, смутился во взаимовредительстве. И даже сами силы природы словно бы возмутились. Землетрясения, извержения, потопа, смещения климатов - все вносит еще большее смущение в и без того смятенный дух человеческий. Но история знала уже такие периоды, а человечество знает и панацею от этих бедствий. И эта панацея - Культура. Там, где рука и мозг обессилевают, там непобедимо сердце, а сердце есть держава Света, средоточие Культуры.

Ваше трехмиллионное воинство женское одобрило и приняло наше Знамя Культуры и Мира. Сердце женское живет не одними словами, но подвигом. Так было во всей истории человечества. Поэтому мы понимаем, что, одобряя и приняв Знамя Культуры и Мира, женщины и понесут его так же действительно, как может пылать священным огнем женское сердце.

Не только благодарить хочу вас, женщины, воинство Матери Мира, за принятие Знамени Культуры и Мира, но настоящим хочу отметить исторический факт, как три миллиона женщин Америки поняли и приняли Знамя Культуры как нечто неотложное и нужное во общее спасение, в воссоздание традиции Света и Красоты.

Радостным будет для меня день, когда мне доведется быть лично на собрании вашем и приветствовать вас, но пока от гор Гималайских позвольте послать мое сердечное сотрудничество вам, воинству Матери Мира".

* * *

Леонид Андреев в своей прекрасной предсмертной статье "Держава Рериха" говорит: "Увидеть картину Рериха - это значит увидеть новый мир". Мы прибавим: "Идти за Рерихом - это значит вступать в новый мир". В своих обращениях Рерих неоднократно говорит: "Не похвала это". И мы скажем: "Не похвала это". Ведь каждый факт может быть подтвержден. Не кажущаяся туманность, но оформленность, ясность и победоносный Свет являются отличительными чертами

этой многообразной и неустанной творческой жизни.

* * *

Характерно и то, что, когда мы собираемся здесь во имя Рериха, сам он в далеких Гималаях каждодневно творит. Может быть, там сейчас раннее утро. В семь часов встает художник-водитель. Может быть, к нему пришли ламы. Толкуют о целебных травах и о книгах, Шамбале посвященных.

Может быть, седобородый брамин пришел совершить ежедневную пуджу и принес новое пророчество Нар-Синга или бога Джамлу. Может быть, пришли женщины из Маланы или прислал привет раджа из Кулу. Может быть, снаряжается новая экспедиция в горы или же художник вместе с Еленой Ивановной проходит по саду роз. А может быть, у мольберта уже пишется новая картина со звездным небом или лучами восхода. Мне кажется - там раннее утро, и блещут вершины перевала Ротанга.

Помню, когда индусский журналист спросил Рериха, удобно ли ему руководить столь большими делами из горного уединения, Рерих отвечал: "Когда хозяйство обширно, то с горы виднее". И еще одно качество художника хочется отметить: необычайную легкость в передвижении. Вот мы говорим о том, что Рерих далеко. Но так возможно, что завтра придет весть о его приезде или сам он неожиданно появится с маленьким коричневым несессером в руках, про который он так любовно говорит: "Ведь он со мною уже двадцать пять лет ходит". Эта же трогательная бережливость при пламенной открытости ко всему новому звучит, когда Рерих говорит и о старых друзьях и иногда добавляет в случае чьих-нибудь ошибок: "А сердце-то у него недурное".

Вот, во имя этого всевещающего, ведущего к Свету сердца, нам и хочется послать Рериху, к десятилетию его культурных учреждений в Америке, привет в его далекие любимые Гималаи.

*****   *****   *****   *****   *****   *****   *****

Рерих шлет обществам его имени зов о Культуре:

"Конечно, говоря о Культуре, мы часто наталкиваемся на странное ограничение этого всепроникающего понятия. Часто с понятием Культуры ошибочно связывается представление о чем-то сверхобычном, почти недостижимом в сумерках обыденной жизни. Между тем, как раз наоборот - Культура тогда таковой в сущности и будет, если войдет во все дни жизни и сделается мерилем качества всех наших действий. Сколько зовов, ободрений, укреплений придется сказать во имя Культуры! Сколько устремлений в будущее придется произнести! С ростом утончения сознания придет вмещение и разовьется чувство ответственности. Станет ясным различие обыденности от каждодневности, и мысль обратится ото дня вчерашнего - к светлому завтра. В непрестанном предстоянии мы избежим утомления и нисхождения. Для незнающих Культуры бывает страшна каждодневность, а, между тем, в ней выковывается совершенствование и восхождение. Утонченное сознание примет все трудовые века как источник бесконечного творчества.

Завещание может быть кратко:

"Пылайте сердцами и творите любовью". Сколько добра принесете, приобщая вновь подходящих к миру Красоты. Пойдем же вместе туда, где нет границ и конца. Где можно каждое благое мерцание превратить в сияние радуги благословения мирам..."

"Привет нашим Обществам Культуры".

